

Спустя несколько дней Управа министерства юстиции представила государю подробный отчет о расследовании покушения на третьего принца. Император Дигэн прекрасно знал, что за этим преступлением не стоит его старший сын Сюаньюань Сяо. Однако, бросив взгляд на подготовленные улики, он полуприкрыл глаза и наложил резолюцию на свиток, стремясь выгородить Наследного принца Сюаньюань Хая.

Вслед за вторым принцем, сосланным на гору Скрытого Дракона, старшего принца также отправили в глухую провинцию, лишив священного императорского имени: отныне вместо «Сюаньюань» он должен был носить простую фамилию «Юань».

Вместе с женой и детьми бывший принц отправился на север, за Великую стену Циньлянь — в провинцию Северного Процветания. Там ему жаловали скромный титул барона с содержанием, собираемым четырьмя местными ведомствами. Три поколения его потомков лишались права на государственную службу и признавались простолюдинами; лишь по прошествии этого срока они могли снова заявить о себе, сдать экзамены, купить чин и попытаться возродить былое величие рода.

Это послужило ясным знаком: за исключением будущего Наследного принца, которому позволялось остаться в Золотой столице, всех прочих сыновей императора одного за другим сошлют в отдаленные уделы. Столь зловеющий сигнал не на шутку встревожил шестого принца Сюаньюань Юэ и восьмого принца Сюаньюань Дуаня. Оба они лихорадочно принялись искать выход из положения.

Самым порывистым и нетерпеливым среди них по-прежнему оставался седьмой принц, Сюаньюань Буцзи. Едва добившись аудиенции у отца, он без обиняков заявил:

— Отец, я хочу отправиться в секту Небесных Тайн!

Император Дигэн прищурился и глухо рассмеялся:

— Ты полагаешь, секта Небесных Тайн примет тебя лишь потому, что ты принц? У них свои правила отбора. Жди.

Выбор князя Сюаня из Восточной столицы в пользу принцессы Сюаньюань Цзи означал, что место главы секты Небесных Тайн всё еще могло принести какому-нибудь принцу легкую победу и безмятежное будущее. Что же касается элитной гвардии Железных Доспехов Сюаньюань, то туда уже давно запустил свои когти третий принц Сюаньюань Сюань, не оставив остальным ни единого шанса. Другие сыновья императора понимали это с кристальной ясностью.

С самого начала Ху Пэй не желал, чтобы его восьмая сестра, Ху Юньшань, связывала жизнь с Сюаньюань Юэ. Он даже велел своей алой птице Хунцюэ неусыпно следить за девушкой, но беды избежать не удалось. В конце концов, стоило дверям захлопнуться, как всё происходящее между ними оставалось тайной для внешнего мира.

И это при том, что и Первая госпожа Ху, и родная мать девушки, госпожа Вэньчжан, без конца твердили Ху Юньшань не совершать глупостей. Когда лекарь подтвердил у барышни беременность, она буквально обезумела от ярости.

Не смея поднять руку на дочь, она обрушила весь свой гнев на мужа, Ху Юньчжи:

— Всё из-за тебя, старый греховодник! Своими повадками ты сгубил обоих моих детей! Наш оболтус Ху Тан во всем подражает отцу: ты пропадаешь в Павильоне Благодатной Ночи, а он торчит на Помосте Золота и Серебра! А теперь еще и Юньшань... Как ты могла?! Из ума выжила, так замуж приспичило? Принцев скоро начнут ссылать, ты хочешь оказаться на краю света, подальше от родной матери?!

— Матушка... — разрыдалась Ху Юньшань. Позабыв об отце, который позорно вжал голову в плечи, она обхватила мать за колени и сквозь слезы запричитала: — Но я действительно люблю его! Он столько лет ждал меня, я не могу его предать!

— Да глупая ты или прикидываешься?! — всплеснула руками госпожа Вэньчжан. — Даже мне, простой женщине, ясно, что шестой принц — человек опасный! Зачем тебе вешаться на сук именно этого дерева?! Теперь доигралась — нагуляла дитя! Чем тебе не угодили сыновья командующего или министра образования? И старшие, и младшие — все как на подбор: красавцы, умницы, окончили Государственный университет, сдали экзамены! Впереди у них блестящее будущее, жили бы с тобой душа в душу! Или тебе совсем не хочется остаться в столице?

— Не хочу! Никто из них не сравнится с Сюаньюань Юэ, мне нужен только он! — иступленно закричала Ху Юньшань. — В этой жизни я выйду только за него! Даже если его сошлют в дальнюю провинцию, даже если три поколения наших детей станут простолюдинами и нам придется пробиваться в сословие ученых с самых низов — я на всё согласна!

Прятавшийся за бамбуковой ширмой Ху Юньчжи робко подал голос:

— Будто бесы попутали... Ладно уж, пускай делает что хочет. Юньшань ведь давно на выданье, да к тому же... теперь в положении. В мире полно безумно влюбленных девиц, и не у всех ведь судьба складывается несчастливо.

Когда дело доходило до сердечных дел, у её непутевого супруга всегда находилось оправдание. Госпоже Вэньчжан безумно захотелось задушить этого мерзавца. Она ведь знала то, о чем дочь даже не догадывалась: шестой принц питал страсть вовсе не к женщинам, а его тайным избранником был собственный брат!

От этих мыслей ярость захлестнула её с новой силой. Схватив тяжелые портняжные ножницы, она с криком бросилась на Ху Юньчжи.

— Сумасшедшая! Совсем рассудком повредила! — вскрикнул тот, едва увернувшись от смертоносного удара.

Грубо оттолкнув жену, он даже не обернулся посмотреть, куда она упала, и опрометью выскочил за дверь.

— Матушка! — в ужасе закричала Ху Юньшань.

Видя, как несчастную мать швырнули на пол, она зашлась в рыданиях от обиды и бессилия. От сильного потрясения у девушки потемнело в глазах; не успев сделать и шага к госпоже Вэньчжан, она рухнула без чувств. В покоях второй ветви поднялся переполох, служанки истошно закричали, и всё завертелось в безумной суматохе.

В Восточном саду Великий церемониймейстер Ху Юньшэнь, едва получив известие о бесчинствах в покоях младшего брата, сразу же выслал слуг на поиски сбежавшего Ху Юньчжи. Что же касается госпожи Вэньчжан, то вмешиваться лично ему не пристало — правила приличия требовали, чтобы старший деверь держался от невестки на расстоянии, поэтому улаживать дело он отправил свою супругу.

Немного поразмыслив, Ху Юньшэнь позвал к себе Ху Пэя. Поскольку Ху Тан, кичась родством с министром юстиции, пропускал любые советы мимо ушей, оставалось уповать лишь на проницательность младшего сына. Ему надлежало отправиться во Дворец Вечного Спокойствия и осторожно разузнать у шестого принца Сюаньюань Юэ, что тот намерен делать с Ху Юньшань.

Тем временем Первая госпожа Ху, взяв с собой служанок, поспешила навести порядок во второй усадьбе. Первым делом она велела уложить бесчувственную племянницу в постель, наказав беречь дитя, а дальнейшие шаги отложить до распоряжений мужа.

Подавленная госпожа Вэньчжан, прильнув к плечу сочувствующей ей Цзи Муюнь, беззвучно плакала от невыносимой душевной боли. Сын безвылазно пропадает в игорных домах, дочь собственными руками рушит свою жизнь ради сомнительного счастья, а дети наложниц и младших жен уже вовсю точат зубы на их долю наследства... Жизнь казалась беспросветной. На этот раз у нее не осталось сил бороться за гордость. Она хотела лишь одного — развода.

Ху Пэй послушно принял наказ отца, однако стоило ему подойти к воротам Дворца Вечного Спокойствия, как сидевшая на его плече алая птица Хунцюз затрепетала крыльями и громко защебетала:

— Чирик-чирик! — «Хозяин, стой, не ходи туда! Этот шестой принц сейчас там вовсю кувыркается в постели... развлекается с любимым!»

Ху Пэй в недоумении взглянул на крошечную пичугу и лишь спустя мгновение осознал смысл её слов. Сказать по правде, известие о беременности сестры ошеломило его. Он прекрасно понимал, что Сюаньюань Юэ — подлец, не способный принести счастья, но глупая девица упрямо прыгнула в полыхающее пламя, навстречу собственной гибели.

На душе у юноши стало скверно. Развернувшись, он направился к Управе великого маршала. Из-за семейного переполоха Ху Пэй взял на сегодня освобождение от службы, но был уверен, что долговязый Чао Цо всё ещё мается от безделья в своей управе.

И действительно, едва Младшему командующему Чао доложили, что его ищет сам Правый напомнитель, как тот немедленно отбросил скучные свитки с отчетами о провианте и выбежал во двор. При виде Ху Пэя он искренне обрадовался, хотя язык, как обычно, безбожно опережал мысли:

— Ого, кого я вижу! Сам господин Ху Пэй! С чего бы это нашему бессменному Правому напомнителю опускаться до визита в нашу заброшенную, пыльную Управу великого маршала?

Ху Пэй лишь покачал головой. За время странствий этот парень, похоже, не набрался мудрости, зато изрядно поднаторел в развязных манерах.

— Мы с братом Чао не виделись много лет. Помнится, при прошлой встрече ты обещал угостить меня вином. Вот я и пришел заявить на него свои права. Что скажешь? Прошу.

От такого кроткого ответа Чао Цо почувствовал легкую досаду, словно ударил кулаком по мягкой подушке. Но он пошел вслед за Ху Пэем быстрее, чем успел подумать. Осознав свою уступчивость, Чао Цо мысленно выругался. Ху Пэй мягко улыбнулся и пошел вперед. Для Чао Цо эта мимолетная улыбка была подобна глотку крепкого, обжигающего вина, заставившего кровь быстрее бежать по жилам. Ноги его, вопреки здравому смыслу, упрямо следовали за юношей.

Однако язык его не унимался:

— Ху Пэй, твой учитель явно дал маху. Ну и что, что ты начал с высокой должности? Всё равно торчишь на одном месте целых пять лет! Пять лет, подумать только! Если бы ты всё это время тратил на книги, то давно превзошел бы всех ученых Поднебесной.

А сам тем временем тайком разглядывал его, восхищенно покачивая головой.

"Ему ведь уже пятнадцать... — невольно подумал Чао Цо. — Подрос, возмужал и стал еще краше. В его облике есть не только девичья хрупкость, но и благородное изящество, от

которого глаз не отвести..."

Ху Пэй лишь согласно кивнул, не замедляя шага. Ростом он не был обделен и даже превосходил многих сверстников, но Чао Цо вымахал еще выше — почти на целую голову. Стоя вплотную, Ху Пэю пришлось бы задирать подбородок, чего он делать крайне не любил, поэтому держался на полшага впереди.

— И где же тебе довелось побывать во время странствий? — непринужденно поинтересовался он.

— О, в таких местах, каких ты в жизни своей не видывал! — воодушевился Чао Цо. — Говорю же, ты зря сгубил эти пять лет в душных канцеляриях. В трехстах ли к востоку от Золотой столицы лежит великолепная Восточная столица. Вот уж где раздолье! Поэты, красавицы на каждом шагу, а уж сколько там зланных заведений — нашей столице до них расти и расти!

— Восточная столица — удел князя Сюаня. Неужели он сквозь пальцы смотрит на столь сомнительные увеселения?

— Полно тебе, мужчины и женщины лишь ищут немного хмельного забвения, что в этом дурного... Постой, — Чао Цо подозрительно прищурился. — Откуда такие познания? Неужто сам там бывал? Впрочем, ты ведь Правый напомнитель, по долгу службы обязан бывать на приемах. Но с твоим лицом ходить по борделям... да тебя самого там примут за...

Повстречав пронизательный взгляд потемневших глаз Ху Пэя, Чао Цо мгновенно прикусил язык. В груди его зашевелилось странное, не поддающееся объяснению недовольство. Ему отчего-то стало глубоко неприятно, что Ху Пэй так буднично и просто рассуждает о притонах, и именно эта мимолетная досада заставила его сболтнуть лишнего.

— За последние пять лет я ни разу не пропустил службу, — спокойно произнес Ху Пэй, заметив, что собеседник умолк. — Сегодня первый раз, когда я взял отгул.

С этими словами он свернул на дорожку, ведущую к задворкам Дворца Вечного Спокойствия.

Мысленно подивившись добросовестности приятеля и пытаясь заглушить неловкость, Чао Цо поспешил перевести тему:

— Но ведь есть же выходные дни! Все чиновники устраивают пирушки по праздникам.

Ху Пэю на миг показалось, будто этот великовозрастный балбес за все годы странствий только и делал, что околачивался у публичных домов. Впрочем, строгий наставник Оуян Юйху вряд ли позволил бы ученику столь явное распутство.

— Куда еще вы держали путь, помимо Восточной столицы?

— О, мы дошли до провинции Звездного Моря, а оттуда повернули к самому Морю Учений! — с жаром принялся рассказывать Чао Цо. — Настоящая обитель конфуцианства! Наставник взял меня с собой на священный остров Гуманности и Мудрости. Какая же там высится пагода! Безграничный терем — истинная святыня для любого книжника. У меня просто слов не хватает описать тот трепет, что охватил душу при одном лишь взгляде на него. Эх ты, книжный червь, безумно жаль, что тебе не довелось этого увидеть!

Выслушав его сбивчивую речь, Ху Пэй мягко заметил:

— Остров Гуманности и Мудрости, Безграничный терем... Это колыбель истинного учения мудрецов. Тот факт, что тебе позволили ступить на его землю, — несомненная заслуга почтенного рода Оуян.

— Эй, Ху Пэй, не вздумай меня недооценивать! — обиделся Чао Цо. — Я прошел туда благодаря собственному уму! Выдержал три испытания, одолел в споре шестерых почтенных старцев и удостоился чести войти в Башню Безграничности!

Пока он увлеченно хвастался, его взгляд то и дело возвращался к изящной шее Ху Пэя. Увлечшись разговором, Чао Цо даже не заметил, как они миновали ворота Дворца Вечного Спокойствия.

Ху Пэй, делая вид, что ничего не замечает, спокойно парировал:

— Коль скоро ты и впрямь проявил такую доблесть в Башне Безграничности, неудивительно, что тебе позволили миновать общегосударственные экзамены и сразу занять место в Управе маршала.

Остановившись у входа в личные покои шестого принца, Ху Пэй вежливо обратился к охране:

— Правый напомнитель Ху Пэй и младший чиновник Управы маршала Чао Цо просят аудиенции у Его Высочества шестого принца.

Только тут Чао Цо опомнился и огляделся вокруг. Ошарашенный тем, куда его занесло, он взъерошил волосы на затылке и захлопал глазами:

— Погоди... Мы же собирались выпить вина за пределами дворца?

Ху Пэй окинул его удивленным взглядом:

— Разве ты отпросился у своего начальства в Управе?

Чао Цо лишился дара речи, лишь беспомощно вытянул руку, указывая пальцем на лукаво

улыбающегося юношу.

Заметив, что Чао Цо намеревается дать стрекача, Ху Пэй с улыбкой окликнул его:

— Твоё имя уже названо страже. Неужто сбежишь, даже не поприветствовав принца? Не боишься, что завтра на твоём столе окажется жалоба за непочтительность к императорской крови?

Чао Цо глубоко вздохнул, силясь подавить раздражение, но когда увидел поспешно приближающегося Сюаньюань Юэ, злость его улетучилась без следа.

— Думаешь, я не понял, к чему ты клонишь? — прошептал он на ухо Ху Пэю. — Не забывай, мой отец — Срединный чиновник по делам служилых людей, так просто вы меня не запугаете!

С этими словами он обошел Ху Пэя и первым шагнул навстречу принцу, преграждая тому путь:

— Приветствую Его Высочество шестого принца. Младший служащий Чао Цо перед вами.

Взгляд Сюаньюань Юэ прошел сквозь Чао Цо и устремился прямо к Ху Пэю. Однако рослый Чао Цо намеренно загородил юношу своей широкой спиной, лишая принца всякой возможности разглядеть гостя. Ху Пэй, оказавшись за этим живым щитом, лишь прислушивался к веселому щебету Хунцюэ на карнизе:

— Чирик-чирик! — «Ну и потешный же этот верзила!»

— Чирик-чирик! — «Простодушный, прямо как дитя...»

Ху Пэй мысленно вздохнул и, мягко отодвинув в сторону плечистого Чао Цо, обратился к прищурившемуся шестому принцу:

— Ваше Высочество, я прибыл от имени второй ветви клана Ху и моей восьмой сестры, Ху Юньшань. Мне поручено задать вам один вопрос.

Сюаньюань Юэ, на миг помрачневший от дерзости Чао Цо, мгновенно преобразился. Он приветливо улыбнулся и широким жестом пригласил гостей внутрь:

— Раз уж вы пожаловали в мою скромную обитель, не стоит вести беседы у порога. Прошу вас, Пэй, пройдемте в зал.

Ху Пэй посмотрел на Чао Цо, который без лишних церемоний первым зашагал вглубь дворца. Похоже, никакие книги и мудрые учителя так и не смогли выбить из этого упряма его

врожденное пренебрежение к правилам приличия.

Даже Сюаньюань Юэ на мгновение помрачнел от такой наглости, но он быстро взял себя в руки и с неизменной улыбкой повернулся к Ху Пэйю:

— Прошу.

Они вошли в парадный зал. Не успев присесть, Ху Пэй твердо повторил свой вопрос.

Сюаньюань Юэ едва сдерживал раздражение при виде неотесанного Чао Цо, который мало того что ввалился без приглашения, так еще и уселся за стол по-хозяйски, точно в собственном доме. Подавив гнев, принц жестом приказал слугам подать чай.

Повернувшись к Ху Пэйю, он мягко проговорил:

— Я уже подготовил прошение.

По его знаку слуга, только что расставивший чайные чаши, поспешил в кабинет и вынес аккуратно свернутый свиток.

Взяв свиток в руки, Сюаньюань Юэ не торопился отдавать его. Вместо этого он вкрадчиво произнес:

— Пэй, ты впервые почтил визитом мои покои. Почему же ты не притронешься к чаю? Неужели здешний настой уступает свежему сбору из провинции Наньшу, которым тебя потчует восьмой брат, и не достоин вкуса господина Правого напомнителя?

Ху Пэй опустил взгляд на фарфоровую чашу. В то же мгновение из открытого окна донесся тревожный щебет птицы:

— Чирик-чирик! — «Хозяин, не пей! Я видела, как слуга всыпал туда какой-то красный порошок!»

Ху Пэй не только не коснулся питья, но и тихонько откашлялся, предостерегая Чао Цо, который уже подносил чашу к губам. Заметив, что Ху Пэй прикрыл лицо широким рукавом, точно защищаясь от дурного знамения, Чао Цо мгновенно поставил чай на стол и обеспокоенно подался вперед:

— Ху Пэй, что с тобой?

Потянувшись к юноше, он крепко обхватил его запястье. Ху Пэй намеренно подал руку

навстречу, из-за чего их широкие рукава переплелись и единым взмахом опрокинули обе чаши. Горячий настой темными ручьями потек по лакированному столу.

ЧАО ЦО резко увлек ХУ ПЭЯ прочь от стола и с досадой воскликнул:

— Что за дрянь они подают, кипятки суший! Ты не обжегся?

ХУ ПЭЙ лишь покачал головой с легкой улыбкой и перевел взгляд на Сюаньюань ЮЭ, который на мгновение помрачнел от ярости, но тут же вновь принял безмятежное выражение.

— Ох, какая неловкость... — протянул шестой принц.

Он приказал слугам немедленно убрать со стола, а сам со свитком в руке подошел ближе. Послание было небольшим, длиной с ладонь. Казалось бы, ничего не стоило протянуть его гостю, держа за один край, однако Сюаньюань ЮЭ неуклюже повернул кисть, и свиток соскользнул на пол.

ХУ ПЭЙ лишь слегка приподнял бровь, даже не сделав попытки нагнуться. К тому же ЧАО ЦО крепко удерживал его за локоть, не позволяя наклоняться перед принцем. Заметив это, Сюаньюань ЮЭ на миг замер и посмотрел на него с дикой ненавистью. Однако он тут же взял себя в руки, плавно опустился, поднял свиток и, бережно отряхнув его от пыли, протянул ХУ ПЭЮ с вежливой улыбкой.

Пусть ЧАО ЦО и не был силен в дворцовых интригах, но когда дело касалось близких людей, его интуиция обострялась до предела. Наблюдая за фальшивыми ужимками принца, он в один миг осознал, зачем ХУ ПЭЙ потащил его с собой. Не дожидаясь, пока юноша возьмет свиток, ЧАО ЦО бесцеремонно выхватил его из пальцев принца, развернул и зычным голосом зачитал:

— «Нижайше прошу Батюшку-Императора благословить брак с восьмой барышней клана Ху...»

Едва ЧАО ЦО закончил читать, ХУ ПЭЙ посмотрел на Сюаньюань ЮЭ, который продолжал стоять перед ними с фальшивой улыбкой, и серьезно спросил:

— Когда Его Высочество намерен представить это прошение Его Величеству?

— А когда господину ПЭЮ будет угодно? — принц торжествующе улыбнулся.

Сюаньюань ЮЭ был слишком умен, чтобы не догадаться об истинной причине спешки. Должно быть, скрывать беременность ХУ Юньшань дольше невозможно, и свадьбу нужно сыграть до того, как поползут позорные слухи. Для принца это был редкий шанс: он не только получал законный повод досрочно основать собственную резиденцию, но и намертво привязывал к себе влиятельный клан Ху. И пусть вторая ветвь семьи не представляла особой ценности, но за ними стоял сам Великий церемониймейстер ХУ Юньшэнь, а главное — этот блистательный ХУ ПЭЙ,

чьей поддержки так отчаянно добивался восьмой принц Сюаньюань Дуань. Теперь все планы соперника пошли прахом.

Смакуя грядущую победу, Сюаньюань Юэ сделал шаг навстречу Ху Пэю, пытаясь сократить расстояние. Но Чао Цо с громким стуком захлопнул свиток и бесцеремонно вклинился между ними. Ху Пэй тут же воспользовался моментом и незаметно отступил назад, уходя из-под навязчивого внимания. Шестой принц недовольно сощурился. Ему претила необходимость смотреть на этого верзилу снизу вверх, и он тоже сделал шаг назад, мысленно уже вынеся Чао Цо смертный приговор.

— До меня дошли слухи, что на обратном пути в столицу господин Чао спас моего третьего брата, — вкрадчиво заговорил Сюаньюань Юэ.

Ху Пэй позвал Чао Цо вовсе не для того, чтобы тот увяз в опасной грызне за престол. Мягко забрав свиток из рук друга, он прервал готовую начаться перепалку. Быстро пробежав глазами строки и убедившись, что личная печать принца стоит на месте, Ху Пэй спрятал прошение в рукав. Сделав шаг в сторону, он оставил Чао Цо позади и прямо взглянул на принца:

— Поскольку Его Высочество уже подготовил прошение о браке с моей восьмой сестрой, я, как ученик верховного канцлера и Правый напомнитель, возьму на себя смелость лично доставить его во дворец. Завтра на утреннем приеме прошу Его Высочество во всеуслышание объявить о своем намерении пред лицом государя. Честь имею кланяться.

Чао Цо не успел и рта раскрыть, как Ху Пэй, коротко поклонившись, стремительно направился к выходу. Смерив принца насмешливым взглядом, верзила хмыкнул и поспешил вслед за товарищем.

Сюаньюань Юэ, сощурившись, смотрел вслед уходящим. Услышав легкие шаги за ширмой, он произнес глухим, сочащимся ядом голосом:

— Четвертый брат все уши мне прожужжал рассказами о Ху Пэе. Что ж, сегодня я лично убедился: его красота и впрямь бесподобна, сравнить его не с кем.

Четвертый принц Сюаньюань Ся перевел задумчивый взгляд на пустой двор. Медленно сжав тонкие пальцы, он тихо проговорил:

— Этот Правый напомнитель осторожнее, чем кажется на первый взгляд. А-Юэ... Старший брат уже сослан на границу, скоро придет и мой черед. С моим кротким нравом меня в провинции заживо сожрут.

Сюаньюань Юэ резко обернулся, больно ухватил Сюаньюань Ся за подбородок и заставил поднять голову. Он посмотрел на него с жестокой решимостью:

— О чем ты говоришь, брат? Неужели ты думаешь, что я позволю отослать тебя прочь? Тот, кто отправится в изгнание, — это ублюдок Сюаньюань Сюань.

Сюаньюань Ся мягко положил ладонь на руку, сжимавшую его челюсть. Прохлада его пальцев коснулась горячей кожи брата, унимая ее лихорадочный жар. Его взгляд стал влажным — этот взгляд, полный покорности и скрытой силы, будоражил сильнее, чем кокетство самых искушенных красавиц.

Эта покорность вновь всколыхнула в душе Сюаньюань Юэ воспоминания о том дне, когда он впервые разглядел Сюаньюань Ся. В Государственной академии, под сенью цветущих вишен, толпились десятки учеников. Когда толпа хлынула прочь, перед ним предстал юноша неземной красоты.

Он ворвался в его жизнь внезапно, растревожив сонные глубины души, но удел этот достался другим. Позже, когда Сюаньюань Ся был отвергнут старшим братом Сюаньюань Сяо, он в одиночестве глушил тоску вином. Его туманный, подернутый слезами взгляд тогда показался Сюаньюань Юэ до безумия похожим на ясный взор Ху Пэя. Но одного лишь сходства было мало.

Ему грезилось, как этот чистый, непорочный взгляд затуманится страстью, рожденной его собственным неистовым желанием. В его воображении Ху Пэй должен был смотреть точно так же, как Сюаньюань Ся сейчас: с той же вкрадчивой нежностью, за которой кроется непреодолимое влечение, способное увлечь на самое дно и затушить бушующий в груди пожар. Именно это сходство приковывало его к брату.

Четвертый принц Сюаньюань Ся был лишь жалкой тенью Ху Пэя. Но Сюаньюань Юэ поклялся себе, что получит оригинал гораздо раньше, чем его соперник Сюаньюань Дуань. Он подчинит себе этот блестящий разум и без остатка заберет это прекрасное тело.